

поддержать точку зрения С. Л. Пештича. Смысл ее заключается в том, что многие вставки, расширения летописного текста не восходят к летописям, до нас не дошедшим, а являются отражением исторических взглядов Татищева.²⁸ Но дополняя наблюдения С. Л. Пештича, отметим, что появление дополнительных сведений связано не только с историческими взглядами Татищева, но и с определенной системой его эстетических понятий и убеждений. Я пыталась решить вопрос следующим образом. Ввиду того что гипотетический список E_2 — источник Татищева — нам неизвестен, тексты рассматриваются не в направлении от летописи к I редакции «Истории», а затем от нее — ко II, а в обратном порядке, т. е. от II редакции к I и от нее — к предполагаемому источнику. Такой подход к материалу объясняется также и тем, что II редакция по сравнению с I располагает значительным числом дополнений. Все ученые, занимавшиеся выяснением источников «Истории Российской», в том числе А. А. Шахматов, С. Л. Пештич, сходятся на мысли, что во II редакции многое «изобретено» Татищевым.²⁹

По свидетельству самого Татищева, II редакция написана «с прибавкою многих изъяснений».³⁰ Сопоставляя рассказы в двух редакциях, пытаюсь установить характер «изъяснений» II редакции, причины появления в тексте; обнаруживаю определенную систему дополнений, и затем, перейдя к анализу I редакции «Истории», выделяю чтения, которые соответствуют установленной системе и, следовательно, не принадлежат летописному источнику.

Итак, II редакция в сопоставлении с I. Четко выделяются три группы вставок, которые условно можно обозначить как: 1) морально-поучительные (дидактические), 2) пояснительные, 3) беллетристические.

Чтобы доказать закономерность вставок, а не случайность их, можно было бы привести большое количество примеров. Укажу наиболее характерные.

Морально-поучительные вставки иногда имеют форму откровенных авторских сентенций: «...молодые князи, не слушая совета старых, желаясье честь прежде времени приобрести, не ведая, что к тому искусство многое потребно., пошли за реку к половцам». Но, кроме того, дидактическое задание получают целые эпизоды, призванные изобразить «долженствующую действительность».

В идеализированном виде представлены русские князья. Во II редакции Игорь показан как князь положительно-прекрасный. Он наделяется такой характеристикой: «Сей князь своего ради постоянства любим у всех был, он был муж твердый». Отказ Игоря бежать из плена («я не хотя чести моей потерять, с бою имея возможность уйти, не бежал и ныне безчестным путем идти не хочу») в «Истории» комментируется в маргиналии «любочестие Игоря». Для освещения рыцарского «лика» Игоря немаловажным было и упоминание (которое, кстати, тоже принадлежит II редакции) о том, что после проигранного сражения Игорем овладевает жажда мщенья и «чтоб пленных выручить, положил (Игорь) намерение, выпрося у других помощь, паки на них (половцев) идти». Итак, Игорь превозносится как князь благородный, безмерно преданный своей идее.

Как прекрасный воин изображается у Татищева и переяславский князь Владимир: «Владимир, выехав из града, напал на них (половцев) и,

²⁸ Там же, стр. 222—262.

²⁹ А. А. Шахматов. К вопросу о критическом издании «Истории Российской» В. Н. Татищева, стр. 80—95; С. Л. Пештич. Русская историография XVIII в., ч. I, стр. 222—262; ч. II, стр. 124—163.

³⁰ ИР, т. VI, М.—Л., 1951, стр. 252 (письмо К. Г. Разумовскому от 24 августа 1746 г.).